

10.9.94

Гафт Валентин

Среди множества талантливых актеров Валентин Гафт занимает свое особое место. Я знаю его давно, с тех пор, как он учился в Школе-студии имени Вл. И. Немировича-Данченко при Художественном театре. И тогда уже он выделялся не одним своим ростом и статной, мужественной фигурой, но и каким-то необузданным, взрывным темпераментом, мирно сосуществовавшим с легкой, почти детской ранимостью. Я редко встречал человека более неуравновешенного, вечно сомневающегося в том, что он делает. И это не маска, не игра, а сущность личности, которая носит такую грозную фамилию и славится не только своими актерскими созданиями, но и точными, убийственными эпиграммами на многих известных актеров, режиссеров, драматургов.

При этом Гафт не перестает оправдываться. Оказывается, он давно уже не занимается этим делом. Просто какие-то злые, нехорошие люди сочиняют свои четверостишия и сваливают все на него. А он ни в чем не виноват...

Если говорить честно, Гафт — действительно добрейшее существо. Он всегда найдет повод, чтобы поддержать другого словом и делом, хотя никогда не был ни депутатом, ни делегатом, разве что исправно платил и платит до сих пор членские профсоюзные взносы.

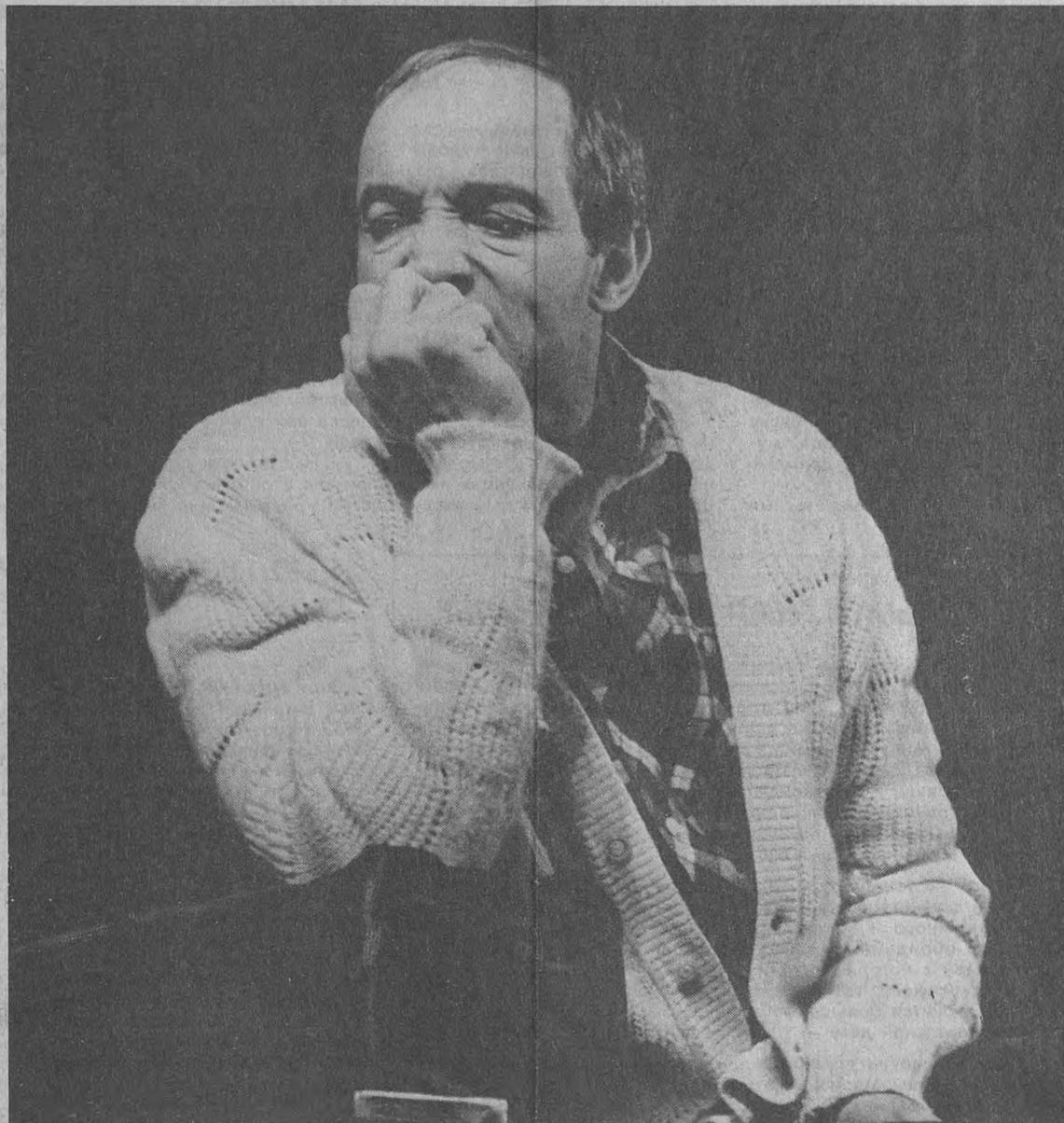
Гафт молниеносно и болезненно реагирует на любые проявления хамства и несправедливости. И здесь он не умеет ничего просчитывать, а действует немедленно, как подсказывает ему совесть. Иногда реакция его бывает далеко не адекватной самим событиям. И спустя какое-то время он, может быть, и поймет, что «перехлестнул», но ни за что не сознается в этом даже себе самому!

Валя был замечательным сыном. Никогда не забуду, как много лет назад встретил его поздним вечером возле Дома актера: в больнице умирал от рака его отец, и Валя, тогда еще никому не известный молодой актер, носился по городу в поисках ложки черной икры, будто от нее и в самом деле зависела жизнь любимого человека. А позже он точно так же продолжал заботиться о маме, которая ушла из жизни сравнительно недавно.

Галина Волчек как-то верно заметила: в «Современнике» Валио одни любят безоговорочно, другие — с оговорками. Но и те, и другие, безусловно, его уважают, а главное — гордятся

БОЛЬШОЙ ОРИГИНАЛ

ПОРТРЕТ

им. Это очень точное наблюдение. В каждом театре необходимо иметь хотя бы одного такого человека. Его присутствие делает невозможным царство беспредела, от которого страдает наше общество в целом.

Подобных людей обычно называют совестью коллектива. Это звание нельзя получить, его можно лишь заслужить ценой всей жизни. Такова, на мой взгляд, была роль Ростислава Яновича Плятта в Театре имени Моссовета. Как и Гафт, он был человеком беспартийным, никаких должностей и постов не занимал, но снискал всеобщее доверие и любовь.

За тридцать шесть лет, прошедших с того времени, когда Гафт окончил Школу-студию

при МХАТе, он сменил несколько коллективов: Театр на Малой Бронной, имени Моссовета, «Ленком», Сатиры и вот с 1969 года четверть века трудится в «Современнике», куда пришел по приглашению одного из своих педагогов — Олега Ефремова — незадолго до того момента, когда тот сам перебрался отсюда во МХАТ.

Валентин Иосифович, в сущности, счастливый человек. С первой же попытки, без всякой протекции выдержал огромный конкурс во мхатовскую школу. Учился у самого Василия Осиповича Топоркова! Из театра в театр переходил тихо, без скандалов, действительно по собственному желанию, сохраняя при этом хорошие отношения с товарищами и руковод-

ством, вспоминая всех только добром — от Завадского, Орловой, Плятта, Марецкой, Равенской, Мэрджина, Гончарова, Плучека, Эфроса, Товстоногова до Волчек, Толмачевой и Кваши, с которыми работает и по сей день.

И в кино Гафт остается верен себе. Потому с уважением говорит о Михаиле Ромме. Он встретился с ним, будучи еще студентом, на съемках фильма «Убийство на улице Данте». И о Борисе Барнете, и о Леониде Лукове, и об Эльдаре Рязанове.

Слушаешь его или читаешь опубликованные его интервью и диву даешься: такой добрый человек! Откуда же тогда берутся эти злые, убий-

ственные по меткости эпиграммы?

Я видел все театральные работы Гафта, знаю некоторые его фильмы и телестановки. И не перестаю удивляться тому, как он умеет, оставаясь самим собою, до того перевоплощаться в образ, что порою кажется: все, это вершина, в следующий раз актер обязательно вынужден будет повториться!

Беру, к примеру, две его роли в «Кабале святош» М. Булгакова. В спектакле у Анатолия Эфроса в «Ленкоме» он играл маркиза Д'Орсиньи по прозвищу «Одноглазый, помолись!». Болезненное самолюбие, постоянная готовность ввязаться в драку, вздорность как принцип существования — все это прев-

ращало образ пьесы в одно из главных действующих лиц спектакля. С тех пор минуло много лет, а я и сегодня отчетливо помню выражение лица маркиза с перекошенным от злобы ртом, с закрытым черной повязкой глазом и рукой, нервно сжимающей эфес шпаги.

Судьбе было угодно, чтобы Гафт снова встретился с той же пьесой Булгакова, но уже в «Современнике», где спектакль поставил Игорь Кваша. На этот раз ему досталась роль Людовика. Его играли различные актеры, сообщавшие «королю-солнце» самые невероятные черты характера, хотя все они, казалось бы, опирались на один и тот же образ, сочиненный Булгаковым. Скорее всего здесь проявились веяния времени с их постоянными колебаниями в отношении к монархии.

Гафт увидел в Людовике человека умного, хитрого, подозрительного, наблюдательного. Ему доставляет особое удовольствие глумиться над Мольером. Он одновременно и побаивается великого комедиографа, и ни во что не ставит его. Трапеза в присутствии Мольера, во время которой Людовик аккурратно расправляется с цыпленком, дорогого стоит. Плотоядность монарха — еще одна деталь, дополняющая его характеристику.

Не удивлюсь, если в третий раз Гафт сыграет в этой же замечательной пьесе роль самого Мольера, ибо применительно к нему трудно говорить о границах амплуа. Ведь он играл шекспировского Отелло, гоголевского Городничего, гончаровского Адуева-старшего, чеховских Вершинина и Фирса, симоновского Лопатина, графа Альмавива Бомарше, Генриха IV Пиранделло, Джорджа Олби, Глумова Островского...

Называю наиболее удачные работы актера и завершаю этот перечень одной из последних ролей — писателя Рахлина в спектакле «Кот домашний средней пушистости» — трагикомедии из жизни художественной элиты эпохи застоя, когда Союз писателей был превращен в министерство литературы, призванное разделять и властвовать, определяя тиражи изданий, распределяя все — от квартир, машин, дач, госпремий и орденов до мест на кладбище и меховых головных уборов.

Последнее, собственно, и стало сюжетом для пьесы, герой которой и был досрочно сведен в могилу этой самой системой распределения благ, когда вдруг вознамерился вступить с ней в поединок. Привыкший «годить» (от «угождать») начальству Рахлин безбедно прожил жизнь, не отличаясь осо-

бым талантом. Он относительно регулярно издавался и был широко известен в узких кругах, где даже завоевал какое-то положение. Правда, не такое, как те, кто имел право на норковую или пыжиковую шапку: ведь Рахлин не входил в состав секретариата правления, в эту райскую группу, допущенную до куш, где каждый мог получить столько благ, сколько был в состоянии унести. А если собственных сил не хватало, на помощь призывались домохозяцы — от жен, детей, внуков и тещ до экономок и личных водителей.

Гафт играет Рахлина так, будто всю жизнь знал этого человека, видел его в разных ситуациях, наблюдал, как тот ловчил, приспосабливался, юлил и дома, и в Союзе писателей. Но при этом старался убедить себя самого, не говоря уже об окружающих, что он — человек независимый, свободный от суеты сует и всяческой конъюнктуры. Именно это-то и погубило героя Гафта, когда он из-за пустяка попытался пойти против течения: все рухнуло в ту же минуту.

Многие, кто писал о Гафте, рассказывали, будто он никогда не бывает доволен собственными работами, что не мешает ему, правда, иногда сказать: «Слушай, старик, приходи завтра в театр. Я, кажется, начал что-то понимать в этой профессии».

Мне тоже доводилось слышать нечто подобное от него. Но если затем я говорил ему, что он был прав, Валя искренне сердился и упрекал меня в комплиментарности, в отсутствии принципиальности, на худой конец в недостаточной компетентности.

И я не обижался, ибо и это он делал искренне, от души. К тому же я всегда помнил, что Гафт — один из немногих актеров такого положения, кто никогда не пробовал «баловаться» за режиссерским столом, что само по себе, согласитесь, вызывает не только удивление, но и уважение.

Последние четверть века, когда все актеры только то и делают, что, как Колобок, куда-то перемещаются, Гафт словно прирос к одному месту и, судя по всему, никуда «перекатываться» не собирается, демонстрируя завидное постоянство не иначе, как из духа противоречия, свойственного ему во всем.

Вот такой уж он большой оригинал!

Борис ПОЮРОВСКИЙ.